

Рогволод и Рогнеда в круговороте политического мифа

Стереотипы норманистских мифов пока цепко сидят в сознании людей, и потому антропонимический анализ летописных имен необходим, хоть уже изначально должно быть ясно, что и Рогволод, и Рогнеда – такие же «скандинавские имена», как Телеф или Абарис. Поэтому рассуждениям об этих именах я не поскупилась уделить достаточно много времени. Кроме того, я решила воспользоваться этим поводом и вставить собственно тематику имен Рогволода и Рогнеды в обрамление из более широкого материала, показывающего роль и распространение именословов правителей и других значительных лиц.

Общеизвестна связь антропонимов и топонимов для выяснения их истоков. Поэтому рассуждая о происхождении имен Рогволод и Рогнеда, интересно обратить внимание на то, что в Восточной Европе имеется много населенных пунктов с основой *rog-*. Приведу несколько примеров наиболее старинных населенных пунктов в России.

В 1194 г. Святослав Всеволодович, князь Владимиро-Волынский, Новгород-Северский, Черниговский, Киевский созвал на съезд в город **Рогов**, являвшийся владельческим поселением чернигово-северских князей, своих родственников: брата Ярослава Всеволодовича и двух двоюродных братьев Ольговичей: Игоря Святославича и Всеволода Святославича, прославленных «Словом о полку Игореве».

Летописный Рогов находился на реке **Рожок**, левом притоке Судости, протекающей по Брянской и Черниговской областям. На правом берегу Судости в Брянской области и в наше время находится населенный пункт **Рогово**. Есть река **Золотой Рожок** как приток Яузы.

В Черниговской области есть село **Рогощи**, а западнее его – на левом берегу реки Белоус есть остатки древнерусского **Оргоща**, упомянутого в летописи под 1158 годом. Но как укрепленное поселение Оргощ относится еще к X в. В Брянской области есть населенный пункт **Рожок** на реке Десне. Собственно, населенных пунктов с названием Рожок довольно много: встречаются они и в России, и на Украине, и в Белоруссии. Но в некоторых областях наблюдается особое скопление топонимов с основой *rog-*. Такое скопление, в частности, наблюдается в области, бывшей владениями чернигово-северских князей. Там встречается и множество названий населенных пунктов, и есть даже название реки, что особенно интересно в силу известной архаичности гидронимов. Здесь уместно вспомнить и туры рога – ритоны из кургана «Черная могила» в Чернигове как ритуальные предметы – атрибуты великого божества, традиции культа которого были, явно, очень сильны.

К этой топонимике следует добавить очень красноречивые топонимы, где в основе *Рогнедь*, т.е. точное отражение имени княжны Рогнеды. Эти топонимы собраны в статье Е.А. Рыдзевской, откуда для простоты их и позаимствую: «Рогнедь...I. Фасм. 667 **Смол.** Росл. Семенов, IX, 154 – Рогнедино (Сноска1: Снм. № 9760, в басс. Габьи, прит. Десны). **Мин.** *ibid.*, 517 – оз. Рогнедь.

Фасмер связывает оба названия с Рогнедой, дочерью Рогволода Полоцкого... Менее ясно, несмотря на полное совпадение, название оз. Рогнедь. ...В связи с названием оз. Рогнедь укажу на новг. оз. Роженедь, местное название Рожнетово в БССР, и, наконец, Ragnit в В.Пруссии (Сноска 5: на левом берегу Немана, несколько выше Тильзита). Сюда, как будто, присоединяется вопрос о неясном личном имени Ирожнет в Новг. I лет., 1135 г. Если все эти данные относятся к одному комплексу,

то, тем самым, осложняется вопрос о скандинавском происхождении названия оз. Рогнедь от Рогнѣдь < Ragnheiðr (Рыдзевская Е.А. К варяжскому вопросу // Известия Академии наук. 1934. № 7. VII серия. Отделение общественных наук. С. 517).

Теперь возвращаюсь к рассмотренному в первой статье материалу и напомним, что он, на мой взгляд, подводит к выводу о том, что возникновение летописных имен князя Рогволода, так же как и его предполагаемого брата князя Тура были связаны с древнерусской традицией поклонения божеству, скрытому за именами Велеса/Волоса и Святовита, а также – их сакральному атрибуту рогу/турьему рогу. Хорошо известно, что многие личные имена возникали из теонимов или из дополнительных наименований различных божеств. Таким образом вошли в европейские именословы имена Аполлона и Гелия, Дианы, Венеры и др. Но самостоятельным именем стало такое прозвище или эпитет Аполлона как Феб – «блистающий». Одно из прозвищ Юпитера – Виктор (Юпитер Виктор – Победитель) сделалось также широко распространенным именем.

Пополняли именослов и наименования тотемных животных. В германоязычные именословы вошло название волка – Wolf (Ulf в скандинавских именословах). Есть имя Артур – считается, что от кельтского arthur – медведь, хотя О.Н. Трубачев выделял ср.хетт. *hartagga* – медведь (Трубачев О.Н. Indoarica в северном Причерноморье. Источники. Интерпретации. Реконструкции // Вопросы языкознания. 1981, № 2. С. 15). В древнерусском именослове встречались такие личные имена как Волк, Сокол, Бык и др. (Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1985. С.44 – 46). В современном именослове эти личные имена стали именами семейными: фамилии Волков, Соколов, Быков – одни из самых распространенных русских фамилий.

Поэтому без особой натяжки можно предположить, что Рог и Тур, будучи изначально иносказательными эпитетами великого божества Велеса/Волоса (Святовита), со временем из этих эпитетов превратились в имена личные *Рог* и *Тур*. Подтверждается эта мысль тем, образ тура (олень, быка и пр.), осененного золотыми рогами, без преувеличения, один из самых распространенных в древнерусском фольклоре, и даже шире – в общеславянском фольклоре. Приведу только несколько примеров.

Прежде всего, былины. Тур – золотые рога было одним из зооморфных перевоплощений былинных князей – чародеев Волха Всеславьевича и Вольги Святославьевича. С названием «тура» у многих славянских народов стал связываться храбрый, могучий воитель – «ярый тур». Так величают в «Слове о полку Игореве» князя Всеволода – яр-тур или буй-тур. Летописцы называли Всеволода «удалейшим из всех Ольговичей, величественным наружностью, любезным душою».

Но образы рогатого животного – это мог быть тур или вол, бык или олень, обязательным атрибутом которого были чудесные золотые рога – имели необычайно широкое распространение во всех формах фольклора и у всех славянских народов: в сказках и былинах, в исторических песнях и заговорных текстах, в обрядовых и игровых песнях и пр.

О «рогатых масках» в древнерусской традиции я писала. Святочная русская обрядность, связанная с празднованием Нового года и Масленицы, включала маскарады, участники которых выступали под масками с рогами, а в святочных песнях упоминались туры и турицы. Совершенно очевидно, эти святочные обряды даже в христианский период хранили память о культах, в которых рог выступал как

сакрализованный объект поклонения. Но аналогичные традиции прослеживались у очень многих славянских народов. Вот несколько примеров.

«Рогатые маски» были участниками зимних святочных гуляний и в Белоруссии: «На Палессі на Каляды сустракалася маска тура, у іншых месцах – быка (коровы). Яна имела рог. Чалавек хаваўся пад тканінай, што прымацоўвалася да маскі» (Кухаронак Т. І. Маскі у каляндарнай абраднасці беларусаў. Мінск, 2001. С. 25). В Словакии одной из самых распространенных масленичных масок был туронь (turon), а в Словении масленичные ряженые назывались коренты/куренты, и их обязательным атрибутом были шапки с двумя коровьими рогами (Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977. С. 223, 246).

«Что действительно славяне чествовали тура как воплощение божества, это засвидетельствовано следующим местом Синописа: ”на праздник Коляда простолюдины на своих законопротивных соборищах некоего Тура – сатану и прочие богомерзские скареды измышляющие – вспоминают”. В Польше и Галиции еще недавно водили на Святках по домам парня, наряженного быком, а по русским и лужицким деревням пекут к этому празднику из пшеничного теста коровок и барашков и раздают их, вместе с другими припасами, коледовщикам. Царская грамота 1648 года, направленная против народных суеверий, говорит: ”и дару божию хлебу ругаются – всяко животно скотское и звериное и птичье пекут”. Вероятно, этот старинный обычай усвоил за хлебными печеньями названия: коровай, баранки, барашек (крендель), сербск. браварица (рождественский хлеб) от брави – скот (волы, овцы); в некоторых уездах хлебы и лепешки, приготавливаемые для раздачи колядовщикам, назывались коровками и козулями (от слова коза). В львовском номоканоне XVII века упоминаются языческие игрища Туры; весенний праздник до сих пор называется у славян Tuřice и Letnice. В Галиции Турицы празднуют в начале мая или на Зеленой неделе; а у чехов первое мая слывет kravskymi hody (коровьим праздником)... (Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995 Т. I. С. 340).

Тур или олень – золотые рога действовали часто в свадебных обрядовых или заговорных песнях и выступали там символом мужского начала, мужской силы, эротической магии производительных сил. Все это говорит о том, что древность славянских народов знала общий культ великого божества, распространенным иносказательным прозвищем которого было Тур, а обязательным атрибутом – чудесные золотые рога – общеизвестный сакрализованный символ изобилия, соотносившийся с обеспечением плодородия, урожайности.

Но образы златорогих животных – оленя и тура связаны не только с функцией бога плодородия, а и с воинскими функциями. В эпических жанрах русского фольклора это божество наделяет героя физической и магической силой. В былине о «Добрыне и Маринке» юный богатырь Добрыня, перед тем, как прибыть на службу к князю Владимиру, идет к Маринке, «королевичне да и волшебнице», которая превращает будущего былинного богатыря в златорогого тура. В обличье златорогого тура Добрыня вершит ряд подвигов, которые исследователями этой былины связываются с возрастными испытаниями юного героя для обретения статуса взрослого мужчины, по былинной фразеологии – богатыря.

Представляется, что приведенный материал достаточно красноречив и подкрепляет сделанный ранее вывод: древность и распространенность культа божества, выступавшего в образе Тура – Золотые рога, обеспечили появление антропонимов Рог и Тур у тех славянских народов, где этот культ был укоренен.

К слову сказать, культ «рогатого божества» был известен и в древней кельтской традиции. Как писал исследователь древнекельтских культов Джон Маккалох, на «алтаре, обнаруженном в Париже, изображен бородатый бог с крученым металлическим ожерельем. Он назван Цернунном, что может означать "рогатый", так как "serna" означает "рога"; сходство с ним имеет целая группа богов с подобными атрибутами» (Маккалох Д., Религия древних кельтов. М., 2004. С. 33). Здесь интересно, что божество поименовано по атрибуту рога, т.е. практически, его имя в переводе – бог Рог. Кроме того, интересно, что этот бог роднится с целой группой других богов, изображения которых найдены в разных областях кельтского мира. Выглядят эти божества по-разному, но объединяет их главный атрибут – рог, иногда совершенно очевидно, что это рог изобилия. Рогатый кельтский бог иногда выступал членом триады, иногда – как единое трехголовое божество. Рога, подчеркивает Маккалох, были символами силы; их носили также вожди на шлемах (вспомните «прихватизированные» из чужих историй рога на «викингских» шлемах!).

Важным выводом для меня являются слова Маккалоха о том, что рога как атрибут кельтского божества свидетельствовали о том, что его антропоморфное изображение имело более древний зооморфный облик – в виде рогатого животного, изображения которых также остались на старинных памятниках и которые следует воспринимать как символы этого бога (Там же. С. 34). Вот к аналогичному истолкованию пришла и я, рассматривая имена Рог и Тур как реликты теонима Тура – Золотые рога, имевшего и антропоморфный облик Велеса/Волоса в былинах или Святвита в виде скульптурного изображения. Хочу сразу оговориться, что если кто-то подумает, что я подвожу древнерусскую традицию под кельтское влияние, то данное лицо ошибется. Все наоборот, но об этом позднее.

Возвращаясь к анализу имен и былине «Добрыня и Маринка», считаю интересным моментом, что в этой былине посредничество между человеком и великим божеством, выступавшим в образе златорогатого животного, осуществляла женщина – волшебница, наделенная статусом правительницы («королевична»). Выступает она под именем «Маринки», которое, как я напоминала в первой статье, родилось из эпитета богини Афродиты - *морская* (по-гречески – *relagios*), что в переводе на латинский дало имя *Марина*. Так что былинная Маринка – это тоже явно иносказательный эпитет, скрывающий образ (и, наверняка, имя) древнерусской служительницы культа Тура – Золотые рога.

Но древнерусские былины сохранили не только образ служительницы этого культа, но и женское божество, которому поклонялись в рамках этого культа. Так в одном из вариантов былины о Василии Игнатьевиче туры изображены так:

*Как из далеча было чиста поля,
Из-под белья березки кудреватые,
Из-под того ли с под кустичка ракитова,
Ай выходила-то турица златорогая
И выходила-то турица со турятами,
Ай расходились туры да во чистом поли*

В былинах этого цикла матушка – турица проявляет дар ясновидения и пророчества, предрекая трагическую судьбу стольного града Киева – его погибель от Батыги Батыговича. В Архангельских былинах сохранился образ турицы и туров, связанных с островом Буяном:

Плыли туры да на Боян – остров

Настрещю турам да им турица шла

(Григорьев А.Д. Архангельские былины и исторические песни. Т.2. СПб., 2003. С.317 – 318).

Древнерусский фольклор, сохранивший образ женского златорого божества, выступает хорошей заставкой к исследованию летописного имени Рогнеда. Представляется, что имя Рогънѣдь может быть женским вариантом, образованным от древнерусского имени Рог. Известна словообразующая частица *-ид/иад*. Прибавляясь к именам, она означала родственную связь. Так образовывались новые как мужские, так и женские имена. От имени (слова?) Леон отпочковались Леонид и Леонида, от Олимп – Олимпиад и Олимпиада, имя Аглаида стоит, явно, как дочернее к Аглае. Можно назвать такие имена как Еликонида, Платонида, Степанида, Антонида и др. (См. Сулова А.В., Суперанская А.В., Указ.соч. С. 12, 14, 15, 16, 19, 20-27). Возможно, в имени Рогъ(н)ѣдь/Рог(н)еда словообразующая частица *-ид* проявилась как ее вариант *-ед* благодаря чередованию гласных. Тогда имя Рогънѣдь как женское производное от Рог включают в себя всю ту древнерусскую сакральную традицию, которая была описана в связи с образами туров и туриц златорогих.

Но разговор о женском производном от корня *rog-* может быть более интересным, поскольку у этой полоцкой княжны и русской княгини было, согласно летописям, три имени, что дает более широкий материал для исследования. Итак, Рогънѣдь – Горислава – Ярогнѣд.

Анализ имен полоцкой княжны хочется начать с напоминания о том, что у правителей может быть по несколько имен или прозвищ, и княжна Рогнеда здесь не исключение. Из Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку за 1128 г. мы узнаем о том, что Рогнеда в браке с Владимиром была переименована в Гориславу: «...и нарекоша си има Горислава и роди Изаслава» (ПСРЛ.Т.1). И вот тут следует подчеркнуть, что появление любого, явно славянского имени в династийном именовании Рюриковичей вызывает у норманистов недоуменные вопросы: «Самый характер имени Горислава, – пишут А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, – не вполне понятен. С одной стороны, его принято толковать как один из способов установления низкого статуса Рогнеды, ”констатации” ее горькой участи. При такой трактовке этого имени необходимо учитывать, что оно служило еще и для уничтожения генеалогической памяти о роде ее отца» (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X – XVI вв. М., 2006. С. 350).

В этих словах – полное непонимание того, что значил династийный именованослов в мире традиционных представлений, уходящих в глубокую древность, и как он функционировал. С древнейших времен в культурах разных народов (думаю, это было универсальный, общечеловеческий феномен) имени придавалось огромное значение. Поэтому ритуалы, связанные с имянаречением, занимали важное место в обрядности любого народа. Особой значимостью обладало имя правителя/правительницы, обязанностью которых было обеспечивать благополучие и стабильность социума. Понятно, что смысловому содержанию имени правящих особ придавалось первенствующее значение. С момента интронизации (а для супруги правителя – со времени наречения ее невестой) правитель/правительница рассматривались как медиаторы между социумом и

космосом, и их имена являлись важными атрибутами как в инициационных обрядах, так и в последующих важных общественных обрядах, когда произнесению имени придавалось значение воссоздания заключенной в нем сущности и благодаря этому – усиления сакральной способности правителя осуществлять как защитную, так и медитативную функцию между коллективом людей и сверхъестественными силами (природой, духами усопших предков и т.д.). Поэтому имя лица, принимавшего власть, так же как и имя его официальной нареченной, должно было принадлежать родовому именованию и заключать в себе позитивную энергетику сильного и знаменитого предка. Смена имени правителя могла быть обусловлена конкретными запросами династийной традиции, включавший и династийный именованослов. Вот ряд примеров.

В конце XIV в. для обеспечения преемственности власти королева Дании Маргарета пригласила кандидатом в правители своего внучатого племянника молодого герцога Богуслава Поморского. На основе акта усыновления герцог Богуслав был провозглашён наследником престола под именем Эрика и вошёл в историю скандинавских стран как король Эрик Померанский (1396-1439).

Как же, как же, – могут воскликнуть ущемленные германоцентризмом, – где же это видано, что б со славянским именем да на германский престол!

Но есть масса примеров, которые показывают, что имя правителя оценивалось не с точки зрения его этнической принадлежности или принадлежности к какой-либо языковой семье, а с точки зрения соответствия династийно-родовому именованию.

Приведу пару примеров из истории скандинавских стран. В 1592 г. на шведский престол взошёл король Сигизмунд (1592-1599), сын скончавшегося Юхана (Иоанна) III Вазы и польской принцессы Катарины Ягеллонки. Своё имя он получил в честь деда по матери, польского короля Сигизмунда I. Ни Сигизмунд, ни его сын Владислав, провозглашавшийся на риксдаге шведским наследным принцем, польских имен не меняли.

А вот датским принцам, приглашенным на норвежский престол, пришлось свои «германские» имена менять. После роспуска унии между Швецией и Норвегией в 1905 г. норвежский Стorting (парламент) принял решение о сохранении в Норвегии монархического строя и пригласил «со стороны» датского принца Карла «володеть и править» на норвежском престоле. Датский принц Карл был провозглашён норвежским монархом под именем Хокона (Håkon) VII, а его сын Александр – наследным принцем норвежского престола под именем Олава. Как видим, если бы дело было в «германстве» имён, то такое имя как Карл не должно было бы вызвать неприятия в норвежском обществе: «германистее» имени трудно себе представить. Однако Норвегию заботили тогда совершенно конкретные проблемы: воссоздать независимую норвежскую монархию, исконность которой подчёркивалась бы в том числе и символикой имён. Имя Хокона возрождало память о Хоконе Адальстейнсфостре – приёмном сыне Адальстейна - (ум.960). Этот Хокон прославился своими победами против датских и шведских конунгов, поэтому его имя несло в себе соответствовавший потребностям момента настрой. А имя Карла было чужеродным для собственно норвежской традиции, поэтому его и поменяли: «германство» имени было вопросом триста тридцать третьего порядка.

Подход к имени правителя как вместилищу харизмы и важному атрибуту личности представителя правящего рода был универсальным, что иллюстрируется примером из истории Монгольской кочевой империи: «В начале весенней поры (1206 г. – Л.Г.) Чингис – хан ...устроил... великий курилтай. На этом курилтае за ним

утвердили великое звание “Чингис – хан”... до этого же времени имя ему было Темуджин» (Рашид–ад–дин, 1952б, с.150, 252).

Именословы правящих родов могли включать в себя имена прославленных предков из достаточно отдаленных времен, Например, когда княжна Евпраксия Всеволодовна (1070 – 1109), сестра Владимира Мономаха, стала невестой маркграфа Нордмарки Германской империи Генриха, то была наречена именем Адельгейды, которое после императрицы Германской империи Адельгейды (ум. в 999) стало родовым именем многих правящих домов в пределах Германской империи. Поэтому имя Евпраксия заменили на Адельгейду, хотя оба имени были христианскими.

Наречение именем знаменовало вступление в жизнь, а наречение новым именем означало переход человека в новую фазу жизни. Вспомним, что первая невеста основоположника династии Романовых, царя Михаила Федоровича – дворянская дочь Мария Хлопова, став царской невестой, была наречена именем «Анастасии», т.е. именем, которое носила первая супруга Ивана IV и первая русская царица Анастасия Романовна (год кончины – 1560). Зачем надо было проводить такую церемонию? А вот ведь провели – значит, видели в этом глубокий смысл! Имя при введении какого-либо лица в правящий род должно было служить проводником как в мире живых, так и в мире усопших предков.

Именословы правящих домов составлялись на протяжении многих столетий (если не тысячелетий) и сохраняли в себе следы взаимодействия и слияния различных сакральных традиций и языковых систем, где этническая принадлежность роли, практически, не играла. Но связь с традицией сакральной отслеживалась строго: имя правителя не могло быть выбрано бездумно, по случаю или попасть из чуждой сакральной системы.

Связь имени правителя с местной сакральной системой хорошо иллюстрируется примером из шведской истории, из жизни Анунда – Якоба, конунга свеев и гетов (правил 1022 – 1050 гг.), сына короля Олова Шетконунга и брата Ингигерды-Ирины, жены Ярослава Мудрого. Как известно, Олоф Шётконунг принял христианство и крестил своих детей, в силу чего его сын, рожденный в день Святого Якова, был назван в его честь. Это ни у кого не вызывало протеста до тех пор, пока не пришло время принцу принимать королевские полномочия. И тогда, как об этом сообщается у Андерса Фрюкселля, шведского историка XIX в., «... поскольку им (свеям – Л.Г.) не нравилось его христианское имя ”Якоб”, был он назван ”Анундом”, каковое имя он в дальнейшем и сохранил” (Fryxell A., *Berättelser ur svenska historien. Första delen.* Stockholm, 1909. С. 126).

Как видно из этого эпизода, выбор имени правителя подчинялся строгим требованиям: имя должно было соответствовать той сакральной традиции, которая занимала главенствующее положение в обществе. В XI в. шведское общество продолжало оставаться языческим и требовало от лица, провозглашаемого конунгом, полной идентичности с сакральной жизнью социума, включая и имя. До избрания конунгом принц Якоб рассматривался как частное лицо, и имя его никого не интересовало. Но при избрании конунгом он был обязан носить одно из имен прославленных предков, вошедших в именослов свейского правящего рода. Таким именем считалось имя легендарного Брёт – Анунда из Саги об Инглингах. Об этом Анунде рассказывалось, что во время его правления в земле свеев царило благополучие и процветание, земля родила, осваивались пустоши, население прибывало (Ibid. S.59).

Сестра Анунда Ингигерда, как известно, выходя замуж за великого князя Ярослава, также меняла имя и была наречена Ириной. По поводу этого имени у норманистов также недоумения.

«Не исключено, что при выборе христианского имени для шведской невесты русского князя, - рассуждают Литвина и Успенский, - наряду с прочим, учитывали и эвфоническую близость имен *Ирина* и *Ингигерд*». Какая глубокая мысль! В эвфонии, оказывается, все дело! Короче, чтоб на «И» начиналось, по этому признаку и выбирали.

«...С подбором по созвучию мы имеем дело и при именовании жены Ярослава Мудрого, шведской принцессы Ингигерд. Свое имя Ирина она, судя по всему, получила на Руси. Правда, статус такого имянаречения остается не до конца ясным. Дело в том, что Ингигерд попадает на Русь уже будучи крещеной, и оснований для ее переименования в первой половине XI в. быть не могло. Скорее всего, Ирина было, так сказать, ее семейным именем. Вполне естественно, что это семейное имя было подобрано по созвучию с изначальным, родовым» (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С. 38, 139).

Поясню, что все эти хлопоты вокруг «переименования» Ингигерды связаны с тем, что в ее «родовом» имени «повторяется имя легендарного основателя династии *Инг(в)и-Фрейра* (Yngvi-Freyr)... использование этого имени и в дальнейшем окажется значимым для правителей Швеции» (Там же. С.38).

Для шведских правителей, разумеется, это имя сохраняло значимость, по крайней мере, оно соединяло первых исторически верифицируемых королей свеев (Эрик, Олоф, Анунд Якоб, Эмунд) с легендарным «праотцом» и «основателем династии» Фрейром, иначе называемом Ингви, от которого и пошло название династии Инглинги. И вот на Руси имя эдакого легендарного предка, запечатлевшегося в имени супруги Ярослава, взяли и выкинули, переименовав ее в Ирину. Скандал, конечно, ведь Рюриковичи, по утверждению Литвиной и Успенского, «скандинавский род» (Там же. С. 41), и вдруг такое явное пренебрежение «скандинавскими» корнями. Поэтому хоть буквой да прицепить киевского князя к Инглингам: это, мол эвфония такая, но за ней маячат Инглинги. Что делать, приходится исхитряться, ведь ничего другого у Литвиной и Успенского нет для подкрепления «скандинавства» Рюриковичей.

Хотя для переименования Ингигерды в Ирину есть более нормальное объяснение. В 1037 г. «Заложи Ярослав... святого Георгия монастырь и святая Ирины». Георгий было христианским именем Ярослава в честь Святого Георгия. Святая Ирина была византийской императрицей, причисленной Православной церковью к лику святых. Поэтому переименование Ингигерды в Ирину объясняется той же самой традицией давать члену правящего рода более достопочтенное для этого рода имя, как это было с переименованием княжны Евпраксии в Адельгейду после ее вступления в род мужа или переименования Марии в Анастасию для того, чтобы укрепить облик будущей царицы духом-хранителем обожаемой покойной царицы. Но для того, чтобы признать это, необходимо признать и родословную традицию Рюриковичей, отличную от вымышленного «скандинавского» рода, а для людей, приверженных норманизму, это дело невозможное.

Примеров по данному вопросу можно было бы привести намного больше, но полагаю, и этих достаточно, чтобы сделать вывод: имя кандидата в правители или его нареченной могло быть заменено на другое, взятое из сокровищницы родового именослова, для усиления сакральной энергетики личности правителя или его

супруги. И у династии Рюриковичей такая сокровищница была, но ее родовитость которой уходила корнями не на Скандинавский полуостров, а в восточноевропейскую древность.

На фоне всего, что сейчас ученые – этнографы знают о значении имени для правителя, высказывать соображения о том, что Рогнеду переименовали в Гориславу для того, чтобы сильнее унижить ее, просто нелепость. Имя княгини, родившей таких Владимировых наследников как Изяслав, Ярослав, Всеволод, никак не могло быть именем, смысл которого читался бы как в песне «горе-горькое по свету шлялося...». Такое предположение просто абсурдно. Не меняли имена датских принцев Карла и Александра для того, чтобы вытравить генеалогическую память об их датских предках! Не меняли имя шведского принца Якова на имя Анунда, чтобы унижить его. Да и с чего взяли, что первый компонент *гори-* в имени Горислава именно от «горя»? Только по созвучию. Так есть и другие созвучия.

В Новгородской первой летописи мы обнаруживаем, например, новгородского тысяцкого Вячеслава Гориславича и двух его братьев Богуслава Гориславича и псковского воеводу Гавриила Гориславича (XIII) – их отец тоже, выходит, с горя был наречен именем Горислава? В «Хождении игумена Даниила» назван Городислав Михайлович. Имя сестры княжны Ефросиньи Полоцкой было Гордислава (в иночестве Евдокия), а в некоторых вариантах – Горислава. Все это хорошо известные данные, известные, в том числе Литвиной и Успенскому. Тогда к чему были их вышеприведенные размышления из области «альтернативной» этимологии?

Так ведь дело в том, что если рассуждать о факте переименования Рогнеды в Гориславу на основе научных данных о династийных именословах, то надо признать и наличие древнерусской сокровищницы родового именослова, уводящего, страшно подумать, в дорюриковы времена! Признай это, и все корабли норманизма тонут. Поскольку весь норманизм держится на кончике иглы, предохраняемой продуктом секреции мифа готицизма XVI в. о государственности и монархии, возникающей в Европе в ходе германских завоеваний. В XVII в. этот миф пополнился особой идеей о том, что у славян не было своей княжеской/королевской, т.е. наследной власти, ее им принесли «германцы». Сначала эта идея была нацелена на славян-вендов, но с приездом сначала Миллера, а потом Шлецера в Петербург эта идея их стараниями стала охватывать и древнерусскую историю. Я писала об этом в ряде публикаций на Переормате, в частности, в статье «Чем опасен политический миф норманизма?» Там же я напомнила о том, что именно эти мифы готицизма отстаивал Миллер в «споре» с Ломоносовым: «О чем спорил Ломоносов с Миллером? Ломоносов говорил, что русские имеют корни в Восточной Европе, их имя связано с роксаланами, т.е. он обращался к ученой традиции Возрождения и античности.

Что заявлял Миллер? Он заявлял, что происхождение имени и народа российского началось с того, что народ скандинавов, известный под именем готов, воинством славный и победоносным оружием покоривший Россию. На что опирается Миллер? На И. Магнуса и Рудбека, воспетых Вольтером через образ полчищ из Скандинавии – образец западноевропейской учености.

Что еще отстаивал Ломоносов? То, что древнерусские князья были и до Рюрика. А Миллер вещал: новгородцы были без владетелей, пока варягов на княжение не призвали».

Что сейчас утверждают норманисты? Перелистаем уже упомянутую монографию Литвиной и Успенского: «...Для скандинавского рода, каким были первые поколения Рюриковичей, адаптация славянских имен не могла не

представлять немалых сложностей (речь идет о появлении имени Святослав у Рюриковичей)... Мы очень немного знаем о том, каким именно образом налаживались культурные и в особенности языковые контакты в ту эпоху, когда **род скандинавских правителей превращался в династию русских князей** (выделено мной – Л.Г.) ...Едва ли можно отрицать влияние германской системы имянаречения на славянскую, но до середины X в. следы этого влияния не так легко зафиксировать. В самом деле, двусоставные имена с довольно определенной семантикой компонентов могли появиться у родовитых славян **не без воздействия германских культурных образцов...** (выделено мной – Л.Г.)».

Чуть далее в последнем пассаже делается корректная оговорка: «Тем не менее все перечисленные явления могли развиваться самостоятельно, в пределах самого славянского культурного ареала. Во всяком случае, утверждение о заимствовании нуждается, как кажется, в сколько-нибудь развернутом исследовании конкретных путей и механизмов этого процесса».

Но демонстрация такого «альтернативного» взгляда на присутствие или отсутствие «германской составляющей» в древнейшей славянской системе имянаречения делается только для того, чтобы с тем большей свободой заявить вслед за этим, что «во второй половине X в. возможные отголоски ранних славяно-германских контактов в этой сфере были поглощены позднейшим более наглядным и верифицируемым воздействием скандинавской традиции имянаречения. Варяги (т.е. скандинавы по норманистской вере – Л.Г.), осевшие на Руси в X в., **несомненно**, (Sic! – Л.Г.) принесли сюда не только свои родовые имена, но и свои принципы имянаречения» (Указ. соч. С.41-44).

О том, что имеется в виду под германской системой имянаречения поговорим позднее, там, где я представлю конкретную систему норманистских аргументов относительно «скандинавства» имен Рогволода и Рогнеды. Здесь же хочу обратить внимание на то, что рассуждения об именованности Рюриковичей играют подчиненную роль, назначение которой служить опорой главной идее о скандинавском происхождении древнерусского института княжеской власти. Главное – это «род скандинавских правителей превратился в династию русских князей», а что там было до этого – неизвестно да и неинтересно.

Поэтому все бесспорные славянские имена, т.е. имена, которые понятны из современного русского языка и которые возникают в летописных рассказах уже несколько поколений после Рюрика, предпочтительнее объявить искусственно созданными летописцем и только после этого сделавшимися принадлежностью княжеских именованностей. Суэта норманистов вокруг имен Святослава, Владимира общеизвестна, но полным «успехом» она так и не увенчалась. А вот с именем Гориславы расправились просто и эффективно: чтобы устранить всякую тень мысли о том, что имя Гориславы нашли для супруги Владимира в древнерусском княжеском именованности, развели демагогию: вот, имя какое-то непонятное, наверняка летописец придумал в X в., и только пото-о-о-м это имя стало кругами расходиться по русскому обществу, появившись и среди новгородских тысяцких, и у псковского воеводы, и у полоцких князей.

В статье «Как рождался политический миф норманизма» я в концентрированном виде представила, что за норманизмом нет фактов: не на чем было выходцам из Скандинавии устанавливать контроль над Балтийско-Волжским путем, не откуда им было принести имя Руси в Восточную Европу, и, следовательно, полностью вымышленной оказывается фигура некоего «викингского» вождя, с

которым ильменские словене не то заключили договор, не то подчинились его завоеванию.

И к тому же результаты исследований в области ДНК-генеалогии показали, что скандинавский субклад Z284 не обнаружен ни в Белоруссии (Полоцкое княжество), ни на Украине (Киев – мати городов русских). – См. об этом один из комментариев А.А. Клёсова к статье «Что говорит ДНК-генеалогия о кавказцах» и комментарий И.Л. Рожанского к моей статье «Как родился политический миф норманизма». А.А. Клёсов дополнил еще, что в списке из более, чем 4000 гаплотипов R1a, из которых 1025 гаплотипов составляют скандинавский субклад Z284, есть всего три гаплотипа из России, и их обладатели – Казанцев из Перми, Колесов и Глебов из Казани, ни сном, ни духом не ведают, что их предки из Скандинавии. Самые далекие предки по мужской линии, им известные, родились, соответственно, в 1828, 1874 и 1800 гг. Полагать, что их предки относились к скандинавской знати, нет никаких оснований. Поэтому «род скандинавских правителей», якобы превратившихся в династию русских князей – это ни что иное, как миф, «облако в штанах».

И попытки норманистов завалить эту зияющую пустоту псевдогенеалогическими экзерсисами только еще больше открывают, что за этими экзерсисами – пустота. Упражнения с летописными княжескими именами обнаруживают, что никакого **рода** скандинавских правителей, ставших Рюриковичами, не было – этот «род» элементарно не нашли. Соответственно, не могло быть никаких **родовых** скандинавских имен на Руси. Их и не было. Но засиженность этой темы норманистами такова, что придется перебрать по одному возможно большее количество летописных имен, чтобы показать, что их «скандинавство» – это только часть политического мифа норманизма и ничего более. Случай определил так, что разговор об именах на Переформате начался с имен Рогволода и Рогнеды.

В продолжение разговора об именах Рогнеды, конкретно, о таком ее имени как Ярогнѣд, хочу сказать, что исследование именованных традиций в раннее средневековье требует иных методов, нежели привычные лингвистические методы. Одним из таких иных методов может быть обращение к традиции табуирования, которым в древности пользовались, по словам исследователя этого феномена М.М. Маковского, для того, чтобы скрыть «божественное первоначение». Работа Маковского была представлена как первый опыт исследования явления табу в языке: именно табу оказало неизгладимое влияние как на формальную структуру языка, так и на его семантику. Строение корня в индоевропейских языках непосредственно связано с количественными и качественными запретами, налагаемыми табу: например, отсутствие, наличие и вариация преформантов, различие детерминативов в одном и том же корне, метатеза, анаграмма, тезис, эллипсис – вот некоторые результаты действия табу на слова. В области значения в древнем слове преобладает синкретизм метафор; цель метафоризации – скрыть «божественные» первоначения, связанные с основным мифом о создании Вселенной (Маковский М.М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев).

Такой подход к анализу многих важнейших понятий древности, а к таковым я отношу теонимы и имена правителей, представляется очень современным и востребованным, поскольку единственно лингвистические методы не очень продуктивны, если речь идет об очень древних языковых пластах – часто просто не хватает материала.

Ярогнѣд/Ярогнеда вместо Рогнеда встречается в ряде списков Ипатьевской летописи: «В се же лѣ престависа Ярогнѣд мти Ярославля (ПСРЛ. Т. II. С. 114). Появление этого варианта, на мой взгляд, чрезвычайно интересно. Сразу оговорюсь, что эвфонией я не занимаюсь – это область для норманистов, также не думаю, что здесь к имени матери была подсоединена первая часть имени сына. Известный принцип варьирования именных компонентов в славянских именованных предпологал наследование частей имен отца и матери (или других предков) их детьми, а не наоборот.

В упомянутой монографии Литвиной и Успенского, на фоне тех рассуждений, где в очередной раз пытаются «обосновать» германскую сущность имени Владимир, дается следующее толкование: «...иногда по разным причинам германские основы оказывались "понятны" в славянском мире. С одной стороны, германское и соответствующее славянское слово могли восходить к общему индоевропейскому корню, и эта общность была узнаваемой в обоих языках...В языке, естественным образом, присутствовала тенденция к превращению "непонятного" в "понятное", "бессмысленного" в "осмысленное". Так, имя Рогнеды в ряде списков Ипатьевской летописи трансформировалось в "полуславянское" Ярогнеда. Ср., например, в Погодинском списке за 1000 г.» (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Указ. соч. С.61).

Таким образом, по убеждению, Литвиной и Успенского, непонятная для славян «германская» основа *Рог-* в имени Рогнеда превратилась в понятное *Ярог-*, и жизнь в княжеском именованном Рюриковичей сразу удалась. В лексике этих рассуждений чего стоит только одно слово «полуславянское». В антропонимических исследованиях известно множество примеров гибридных вариантов имен, например, кельто-германских, но что-то мне не приходилось видеть такую их характеристику как «полугерманские». Ну, как тут не вспомнить А.Н. Кирпичникова, который написал по поводу призвания Рюрика: «...славянские и финские племена... пригласили "во власть" заморского то ли скандинава, то ли полускандинава – полуславянина...» (Кирпичников А.Н.). Россия, оглянись на народный юбилей. К 1150-летию создания русского государства (862-2012). Видите, какая история! В английской истории можно было пригласить не заморского **полуфранцуза** Генриха Плантагенета, а **целого** кандидата на опустевший престол, в русской же истории можно писать такой абсурд, как пригласили «полускандинава». В шведской истории не изумляются приглашению заморского Альбрехта Мекленбургского на опустевший престол, и при этом никто не оговаривается, что пригласили **полунемца** и бывшего ободрита, а в русской истории пишут недрогнувшей рукой призвали «полуславянина» и полагают, что такая ущербная характеристика вполне уместна в научном контексте.

Но вернемся к имени Ярогнеда и возможностям его толкования. Что можно предположить? Как кажется, на поверхности лежит следующее объяснение. Если мужские имена Рог и Тур образовались от эпитетов Волоса/Велеса, то к ним в качестве усиливающего эпитета могло присоединяться слово *ярый*. Так, например, в «Слове о полку Игореве» князь Всеволод Святославич прославлялся как воин – богатырь таким образом: «...Рассечены саблями калеными шлемы аварские, тобою, ярый тур Всеволод». Но зная, что Тур было и именем княжеского именованного, например, у полоцких князей, можно предположить, что Яр Тур – это не просто эпитет богатыря, а возможно, такое прозвище, которое могло функционировать и как дополнительное имя. Тогда по аналогии, могло существовать и такое прозвище или дополнительное имя как Яр Рог, не «уловленное» взглядом современной науки. В этом случае такой именной компонент как *яр-* мог стать дополнительным к основе

рог- и образовать имя Ярогнед из Яр Рогнед по принципу Яр Тур. Ведь в древнерусских святочных песнях, как я напоявила выше, воспевались как туры, так и турицы – священные животные, посвященные великому божеству Волоса/Велеса. Это не невозможный вариант, но все же он вызывает сомнения.

Поэтому я хочу в виде рабочей гипотезы предложить другое объяснение, воспользовавшись мыслью Маковского о метафоризации сакрально важных имен, как средства сокрытия их первоначения. Хотелось бы сразу оговориться, что подобный метод анализа древнерусских теонимов уже предпринимался известным лингвистом и литературоведом, автором трудов по общей теории языка, поэтике, семиотике, сравнительной мифологии Р.О. Якобсоном. Из его работ по этой тематике интересны его статьи, где он рассуждает о таком славянском мифологическом персонаже как Рарог/Ярог, которое он рассматривает вкуне с теонимом Сварог. Якобссон считал, что оба эти мифологических имени связаны с древнеиранской мифологией, конкретно, «с экспансией индоиранского мифа» о бже войны и победы Веретрагны, имя которого соответствовало эпитету Индры в ведийской мифологии Вритрахан – «Убийца Вритры». Вот вариант *Ярог* и привлек мое внимание в размышлениях о значениях имени *Рогнеда* в таком ее варианте как *Ярогнеда*. Посмотрим, как анализируются *Рарог/Ярог* у Якобсона, рассматривавшего эти мифологические имена как производные мифа о Свароге.

Якобсон поставил своей задачей расследовать, по его выражению, «ирано-славянскую диффузию» мифа о Свароге и пришел к выводу о том, что наиболее «вероятным источником славянского, явно заимствованного имени SVAROGЪ, надо считать иранское мифологическое имя VR̥θRAGNA с его задним открытым гласным между вибрантом и велярным согласным... славянская форма наиболее тесно связана с диалектным среднеиранским обликом VARAGN, на который в 1950 году обратил внимание ученый иранист П. Тедеско. Начальный согласный славянской формы – либо новый пример беглого *s*, либо контаминация со славянским корнем *svar-*, означающим “отповедь, распрю” и созвучным семантически с иранским VR̥θRA, “сопротивление”, т.е. с первой частью составного имени VR̥θRAGNA» (*Jakobson R. Древнеармянский вахагн в свете сравнительной мифологии // Roman Jakobson Selected Writing. VII. Berlin, 1985. P. 49 – 53*).

«Нельзя исключить возможность того, – дополнил это рассуждение Якобсон, – что славянский корень, обычно возводимый этимологами к индоевропейскому *swer- говорить, скорее принадлежит к той же самой словесной семье как индоиранское *vāra- и *vitra- и т.д., проявляющегося в чередовании *swer- от корня *wer «закрывать, защищать, оказывать сопротивление»(Jakobson R. Svarog and his Iranian Prototype. Slavic Gods of Iranian Background//Roman Jakobson. Op.cit. P. 24 – 30).

Имя Рарог/Ярог (Rarog/Jarog) анализировалось Якобсоном совокупно с теонимом Сварог и расценивалось как его фольклорное «эхо».

Известно, что в мифологии западных славян именем Рарога/Ярога, зафиксированном в многочисленных вариациях, нарекался огненный дух, связанный с культом очага. Рарога представляли в образе птицы, обычно хищной, или дракона с искрящимся телом, пламенеющими волосами и сиянием, вырывающимся изо рта, а также в виде огненного вихря.

Аналогом *рарога* в древнерусской мифологии был *сокол*. Например, словацкий и чешский славист П. Шафарик (1795 – 1861) указывал на то, что слово *рарог* существовало в его время в польском языке в значении особой породы соколов.. » (*Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. СПб., 2013. С. 354*). Сокол у многих

народов был почитаемой птицей, выступавшей реинкарнацией различных божеств и часто связанной с солнцем или со стихией огня, с небесной молнией.

А.Н. Афанасьевым были собраны следующие сведения: «Народные русские песни до сих пор величают сокола: свет ясён сокол, т.е. птица, быстрая как свет, как молния. Как слово ясный совмещает в себе понятия света и скорости, так сербское бистар (=быстрый) означает: светлый... По единогласному свидетельству преданий, сбереженных у всех народов арийского происхождения, птица принималась некогда за общепонятный поэтический образ, под которым представлялись ветры, облака, молнии и солнечный свет... фантазия создала своих баснословных птиц, олицетворяющих небесные грозы и бури... Агни превращался в голубя, а Индра, владыка громов и молний, принимал образ ястреба. Любимыми и главнейшими воплощениями бога-громовика были орел и сокол... Индусы верили, что искры небесного пламени принесены на землю златокрылым соколом... в Ведах Агни называется быстрою, златокрылою, чистою и огненной птицей и сильномогучим соколом» (Афанасьев А.Н. Баснословные сказания о птицах//Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т.1. С. 248 – 262).

Хищная быстрокрылая птица действует в «Ригведе», как похитительница сомы (Сомы) – напиток бессмертия богов с высшего неба для учредителя жертвоприношения Ману, который стал готовить его для Индры; Сома выступал также в ипостаси одного из основных богов «Ригведы», жениха Сурьи, дочери Солнца. Птица, похищающая сому, некоторыми переводчиками «Ригведы» переводится также как *сокол* (U.Schneider), а некоторыми – как орел (Т.Я. Елизаренкова).

Образ демонической птицы, наделенной божественной сущностью, из древнейшей индоевропейской мифологии перешел во многие мифологии народов мира и в частности, под именем Рагога и его вариантов получил широкое распространение в западнославянских и южнославянских языках

Возвращаясь к статье Якобсона, приведу те многочисленные примеры, которые были взяты им из перечней чешских поименных мифических существ, разработанных чешскими языковедами Яном Коринеком (Ján Kořinek) и Вацлавом Махеком (Václav Machek): словенские **JÁROG, JÁROŽICA, RÁROH, RÁROG**; польские **JAROG, RARÓG**; силезский **JARÁŠEK**; чешские **RÁRACH, RARÁŠ, RARÁŠEK, RADÁŠEK** (ю. чеш. формы с расподоблением внутренних согласных), **RARAŠIK, RARÁŠČATA, RÁROŽ, RÁROHY, RAROH, RAROH**; словацкие **RÁROH, RARÁŠIK** (Jakobson R. Древнеармянский вахагн в свете сравнительной мифологии // *Roman Jakobson Selected Writing*. VII. Berlin, 1985. P. 49 – 53).

Согласно наблюдениям Якобсона, славянский Рагог/Ярог в своих демонических характеристиках и функциях проявляет целый ряд ярких сходств с иранскими образцами, особенно с именем, данным в Авесте седьмому перевоплощению бога Веретрагны (VR̥θRAGNA), которое занимает особенно значимое место в характеристике героя, превращая последнего в наивысшей породы сокола, Вэрагну/Варгана (VĀRAGNA).

Оба сложносоставных имени – Веретрагна (VR̥θRAGNA) и Вэрагна (VĀRAGNA), – обосновывал свою мысль Якобсон, имеют один и тот же корень в начальном компоненте имени *wer; кроме того, совпадает их смысловое значение – «разбивающий препятствие, победитель над противником».

Поэтому, именно прозвание сокола Вэрагна/Варгана (VĀRAGNA), делает вывод Якобсон, послужило исторической формой для образования славянских имен

Рарога/Ярога. Сравнивая эти формы имени с иранской формой *varhraun*, Якобсон допускал потерю начального *v* и возможное образование промежуточных славянских форм **ogrogъ*, **arrogъ* или **arog*, которые могли дать *jarogъ* с предвокальным *j* или же иранское сочетание начального *a* с долгим *r* дало ход метатезе: *ap*<*ra* и переходу в *rarog*. Оба перехода распространены во всех перечисленных языках, напоминал Якобсон. Усвоение иранской формы *VĀRAGNA*, обозначающей воплощение бога *VṚṬRAGNA* в высшую разновидность сокола, по убеждению Якобсона, и дало ход в славянском языковом мире целой череде имен для мифологической птицы, сохранившей идею демонического характера иранской мифологической птицы, но с **существенно отличной языковой окраской** (выделено мной - Л.Г.). (*Jakobson R. Древнеармянский вахагн...* P. 51; *Jakobson R. Svarog and his Iranian...* P. 27 – 28).

В рамках данной статьи важно обратить внимание на две вещи. Во-первых, очень важен вывод Якобсона о том, что западнославянские *Рарог/Ярог*, сопричастные мифу о древнерусском Свароге, имеют несомненное **мифологическое** сходство с героями ведийской и авестийской мифологии.

Во-вторых, сделав этот вывод, Якобсон задается, вопросом о том, как это сходство возникло в древнерусской традиции, т.е. откуда оно туда явилось? И тут мы видим, что мысль исследователя вращается в кругу сложившихся за XIX в. убеждений о позднем старте русской истории, начало которой привыкли связывать с периодом расселения восточноевропейского славянства не ранее VII – VIII в. И это ярко иллюстрирует зависимость лингвистического анализа от исторического контекста, а не наоборот, как пытаются нас убедить лингвисты, особенно лингвисты норманистского толка. В публикациях о гносеологии норманизма как шведском политическом мифе я показала, что поздняя датировка начала древнерусской истории пришла в российскую историческую науку также из рудбекианизма.

Напомню, что именно Рудбек был первым, кто заявил, что древнейшим населением Восточной Европы вплоть до Дона были финны, а славяне или русские жили где-то южнее и в стороне. Всех их подчинили предки шведов, покорив также Азиатскую Сарматия до Каспийского моря и другие страны (*Rudbeck O. Atland...* S. 194-199).

Рудбек взял все эти аргументы из воздуха, высосал их из пальца. Но все его бредни вошли непререкаемыми истинами в образовательные программы Швеции, поскольку рудбековские фантазии обслуживали официальный политический миф, призванный создать легендарную историю предков шведов, якобы издревле властвовавших над территориями Восточной Европы и собиравших там дань с местного населения. Развитие это «открытие» Рудбека получило в период Северной войны трудами пленных шведских военных и других деятелей, оказавшихся в России до окончания войны – я называла имена Х. Бреннера, Ф. Страленберга и др. Популярность Рудбека в Англии и Франции обеспечила триумфальное шествие всем рудбековским выдумкам по университетским кафедрам и литературным салонам Западной Европы, а затем и России, включая и представления о финно-угорском субстрате на севере и в центре Восточной Европы и как следствии – позднем расселении русских на восточноевропейских просторах и соответственно, – позднем начале древнерусской истории, т.е. только с момента первого упоминания имени славян в письменных источниках. Эта выдумка проросла во все подразделения исторической науки, укоренилась, разветвилась, и сдвинуть сейчас с места эту глыбу, рожденную от ненаучных чресл, очень непросто. Но, тем не менее, такие попытки

предпринимаются отдельными учеными, для которых ненаучность сложившейся картины очевидна. К ним принадлежу и я.

В ряде работ на основе анализа исторической топонимики я показываю, что имя *русов* в Восточной Европе выявляется уже в период существования там индоевропейской общности и выделения из нее ариев, что чаще всего датируется началом III тыс. до н.э. Иначе говоря, *русы* и *арии* – два народа-современника, родившиеся от одной предковой общности, относящиеся к одному роду, но выделившиеся, как два отдельных субъекта, каждый под своим именем, и прошедшие свой собственный путь в мировой истории: *русы* в большей своей части остались в Восточной Европе, после того, как *арии* ушли на восток и на юг.

Неоценимую помощь в подтверждении моей исторической концепции о русах – насельниках Восточной Европы и реконструкции начального периода древнерусской истории с III тыс. до н.э. оказывает сейчас ДНК-генеалогия, конкретно, исследования проф. А.А. Клёсова по ДНК-генеалогии, согласно которым после ухода ариев на восток (ветвь R1a – L342.2) в Восточной Европе осталась ветвь гаплогруппы R1a – Z280, т.е. центрально-евразийская ветвь R1a, к которой относится большинство современных этнических русских. (См.: Клёсов А.А. Происхождение славян. ДНК-генеалогия против «норманнской теории». М., 2013. С. 45, 124 – 125 и др.). Иначе говоря, русские имеют с ариями одних и тех же предков, которые с распадом индоевропейской общности в течение III тыс. до н.э. разошлись, как расходятся сыновья одного отца. Но часть ариев оставалась жить на Русской равнине и влилась в состав русов.

Именно этим и объясняется бросающееся в глаза сходство древнерусских и арийских мифологических образов и сюжетов – они рождались в одной колыбели, в Восточной Европе, где арии и русы долгое время находились в границах одной культурно-языковой общности. Но если потерять целые тысячелетия от начал древнерусской истории (что собственно и произошло в ходе выше описанного хода развития исторической мысли), то отмеченное сходство древнерусской и арийской мифологии можно объяснить только заимствованиями, когда культурным донором для древнерусской традиции должна была выступать арийская традиция. И проблема заключалась только в том, чтобы определить пути проникновения арийского влияния в славянскую среду (чаще всего посредничество на этом пути отводилось «германцам»).

На это и были направлены усилия исследователей в области сравнительной мифологии, одним из наиболее известных примеров которых являются приведенные выше работы Р. Якобсона, убежденного в иранском заимствовании древнерусского имени Сварога и западнославянских Ярога/Парога, что как теперь становится понятно, неверно, поскольку и ведийский Индра Вритрахан, и авестийский Веретрагна, и древнерусский Сварог с рассматриваемыми здесь такими «отзвуками» имени божества как Ярог/Парог относятся к общей эпохе рода R1a, который появился в Восточной Европе, примерно, с III тыс. лет до н.э.

Тогда и начал создаваться представителями обеих ветвей рода R1a ономастикон наиболее священных имен, близкий друг другу мифологически, иначе говоря, мировоззренчески, но благодаря метафоризации как метода табуирования развивший великую множественность языковых форм и, соответственно, форм ономастикона. Эти формы со временем стали различаться у восточных и западных славян. Так, например, у русских наименование победоносной птицы, наделенной божественной сущностью, сохранилось как Сокол и в этой форме долго существовало

в древнерусских именовсловах. У западных и южных славян этот мифологический персонаж стали называть Ярог/Рарог, и от этого теонима также родились свои антропонимы. Одним из таких личных имен, по моему предположению, и является имя летописной Ярогнеды, через династийные браки ставшее известным и в именовслове полоцких князей, и в киевско-новгородском именовслове.

Высказанное предположение требует дальнейшего исследования, и материал для этого есть. Но уже на данной стадии мои предварительные выводы во многом совпадают с выводами профессора Гомельского государственного университета А.Ф. Рогалева, который в статье «Рогволод и Рогнеда: имя и личность. Новое прочтение старых летописей» (я благодарю читателей Переформата за предоставление этой статьи) писал о том, что имя Рогнеда хранит в себе семантику жрицы, служительницы культа, и приводил такие параллели из литовского, как *ragananti* – колдовать, заклинать; *raganius* – заклинатель, ясновидящий; *ragana* – ведунья. Литовский язык, как известно, хорошо изучен на предмет его соответствия санскриту, чего не скажешь о древнерусском.

Хотя в Полном церковно-славянском словаре (я благодарю В.И. Меркулова за сведения из этого словаря) слово *rog* в русском языке связано с такими значениями как сила, крепость, могущество и перекликается с санскритским корнем *ruh, rohami* – расти, родиться, т.е. его смысл вмещал в себе и могущество власти земной и магию власти над жизнью, т.е. власти божественной. По мнению проф. Рогалева, имена Рогволод и Рогнеда являются не столько именами, сколько эпитетами, поскольку истинные имена жрецов и жриц табуировались. И здесь наши взгляды частично совпадают, хотя я стараюсь не смешивать вопрос о теонимах, которые вошли в именовслова, и вопрос о том, был ли каждый носитель такого теонима просто носителем этого имени или обладал еще и жреческими функциями. В каждом отдельном случае это требует отдельного исследования. Но как бы то ни было, приведенные рассуждения об имени Рогнеда косвенным образом подкрепляют и мои рассуждения о таком имени летописной княгини как Ярогнеда. Они отличаются по языковой окраске, но по внутреннему смыслу явно близки друг другу, поскольку их корни уходят в глубину истории рода R1a, которая для древних русов пока зияет своей пустотой.

Поэтому оставим на время практически зияющий пустотой начальный период древнерусской истории и вернемся к имени Рагнвальд, которое норманисты представляют настолько скандинавским, что по нему якобы можно спокойно определять этничность его носителя как выходца со Скандинавского полуострова.

Для начала хочу обратиться к работам шведских лингвистов – исследователей в области ономастики. Это тем более полезно, что как показал опыт, результаты исследований шведских (или шире – скандинавских) медиевистов, представляющие интерес и для древнерусской истории, российскими скандинавистами передаются российским читателям очень селективно.

Общеизвестно, что в средневековый период в скандинавских странах использовались различные принципы имянаречения, основными из которых были принципы варьирования и принцип прямого повтора имени какого-либо предка или прославленного героя.

Варьирование как принцип имянаречения заключался в том, что в сложносоставных именах, составленных из двух компонентов, начальный и конечный компоненты могли передаваться новым поколениям порознь, например, сын мог унаследовать начальный компонент имени одного предка и конечный компонент

имени другого предка. Но как писал крупнейший шведский исследователь в области ономастики Ивар Модээр (1904 – 1960), именные компоненты группировались в соответствии с традиционным правилом, согласно которому начальный компонент и последний компонент соответствовали компонентам либо имени предка, либо известного лица. Именные компоненты скандинавских именованных слов следует рассматривать как часть общегерманского языкового наследия (Modээр Ivar. Svenska personnamn. Lund, 1964).

Упомянутое шведскими лингвистами «общегерманское наследие» на деле означало многочисленные заимствования в скандинавских именованных словах, приходившие либо непосредственно с Европейского континента, либо через Британские острова. Иными словами говоря, страны скандинавского полуострова были частью общеевропейской культуры и питались ее импульсами. При этом культурным донором выступала, естественно, большая Европа относительно маленькой Скандинавии, а не наоборот – нафантазированная в рамках готицизма грандиозная Скандинавия как кузница народов якобы выступала в качестве величественного поставщика знаний, богов и естественно, личных имен в Европу, бывшую к ней как бы небольшим приложением. Связь с общеевропейской антропонимической традицией нашла свое отражение и в именах с корнем *ragn-*, примером которых является *Рагнвальд*.

В труде шведского исследователя скандинавского рунического наследия и именованных слов, сохраненного руническими надписями, А. Янцэна относительного первого компонента в имени *Рагнвальд* сообщаются следующие сведения: «**Ragn-**, чередующееся с **Rogn**, произошло от слова, которое в древнезападноскандинавском (так определяет Янцэн древнеисландский и древненорвежский) зафиксировано как *regin* (также и *rogn*), ср.р., мн.ч. «высшие силы, боги» (*gen. ragna*); в готском - *ragin*, мн. ч. «решение, совет»; то же значение в древневерхненемецком – *ragin, regin*.

Неясно, рассуждает Янцэн, какое из двух значений для личного имени является предпочтительным: «совет» или «боги». Но полагает, что таковым было значение «совет», поскольку оно являлось общим для германских языков. Кроме того, дополняет исследователь, зафиксированы и такие случаи, когда данное слово выступает не только как первый компонент в именах собственных, но как первый компонент в именах нарицательных. В этих случаях его собственная этимология бледнеет и обретает только усилительный смысл, например, англосакс. *regnheard* «очень твердый», древнезападноскандинавск. *reginþing* «стуртинг, народное собрание». Подобный процесс наблюдался во всех германских языках, отмечал Янцэн (Janzén A. De fornvästnordiska personnamnen // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm, Oslo, København, 1947. S.87).

Приостановимся здесь на минуту и суммируем приведенные сведения. Этимология основы в имени *Рагнвальд* восходит к готскому *ragin* и древневерхненемецким *ragin, regin* со значением «решение, совет». Логично предположить, что из древневерхненемецкого это слово вошло в древнеисландский и древненорвежский, а оттуда распространилось по именованным словам других скандинавских стран. Так, получается по логике, основанной на известной хронологии событий европейской истории раннего средневековья. Теперь продолжим рассмотрение данных из книги Янцэна.

Ученый дает примеры имен, образованных с помощью первого компонента *Ragn-*. Этот компонент встречается в целом ряде обычных имен, таких как мужские имена *Ragnarr* (скорее всего, заимствование из датского, по крайней мере,

правдоподобно предположить, что исходное было **Razina-harjaR*), *Ragnfrøðr* (датское заимствование), *Rognvaldr* (кроме того: *Ragnwaldr*, *Ragnaldr*, *Ragvaldr*, *Ravaldr*, *Raval*, *Rogvaldr*, *Roval* и др.) и в женских именах имя *Ragneiðr* (редко *-heiðr*), *-hilda*, *-hildir*, (обычно, *-ildir*, *-illdr*; ср. древневерхненемецкое *Ragnahildis*, древнефризское *Reinilda*, англосаксонское *Ragenild (a)*), *Rognug* (также и *Ragnugh*, *Ronnug*). Часть данных имен варьируется в разных формах. Два редких имени мужское имя *Reginaldr* (= *Ragnvaldr* < **Razin-walduR*) и женское имя *Regineif*. Первое – заимствование с континента (ср. древневерхненемецкое *Reginald*, *Reinald*) или из восточно-скандинавской области, где западно-скандинавский начальный компонент *Ragn-* часто, а датском – всегда соответствует *Reg(i)n* (Janzen A. De fornvästnordiska personnamnen. S. 87 – 88).

Здесь мы также видим широкий географический «разброс» не только первого, образующего имя компонента, но и полного имени Рагнвальд: это и множество Рёгнвальдов/Рагнвальдов/Рогвальдов/Рагнальдов/Равалей/Ровалей, зафиксированных прежде всего в исландско-норвежской традиции; это и Рагнары и Рагнфриды (вар. Рагнфрёд), зафиксированные прежде всего в Дании; это и Регнальды от древневерхненемецких Регинальдов или Рейнальдов; это такие женские имена как Рагнейд, как Рагнхильд от древневерхненемецкой Рагнахильды или древнефризской Рейнильды, англосаксонских Регенильды и Рёгнуг (Рагнуг, Роннуг).

Распространенность имен с основой *Ragn-*, охватывающих значительную часть Западной и Центральной Европы, говорит во-первых, о том, что эта основа несла в себе важный смысл для раннесредневекового европейца, а во-вторых, что ее распространение шло на **Скандинавский полуостров с европейского континента** по двум направлениям: а) из области между Рейном и Одером в датский именослов и далее; б) с Атлантики на Британские острова, а оттуда в исландско-норвежские именословы и далее. Пути заимствования именных компонентов из древневерхненемецких именословов, т.е. из области между Рейном и Одером в скандинавские именословы, никак не могли обойти южнобалтийское побережье. И в ряду перечисленных именных вариантов мы видим такие, которые напоминают нам знакомые летописные имена: *Rogvaldr*/Рогвальд от Рогволода и *Ragneiðr*/Рагнейд от Рогнеды.

Заимствование имен и именных компонентов в скандинавские именословы было необходимой частью историко-культурного развития стран Скандинавского полуострова. И уже в наиболее ранних шведских рунных надписях можно отметить имена, которые «пришли» в Швецию с южнобалтийского побережья. Например, на знаменитом рунном камне «Рёкстенен» (*Rökstenen*, Ög 136) из Эстергётланд, который датируют первой половиной IX в., есть имя Варин (*Varin/uarin*), он отец Вэмуда (*Væmodh/uamuf*), в память которого он воздвиг камень с рунами. Модээр отмечает, что если имя сына в течение нескольких столетий прослеживалось в Эстергётланд, то имя Варина встречается только раз и в этой надписи (Modээр Ivar. Svenska personnamn. S. 15).

Но зато это имя хорошо известно на континенте и связано с этнонимом варинов в их миграциях. А.Г. Кузьмин писал о распространении этого имени в Европе: «Примечательно, что во всех германских языках зафиксировано собственное имя Вэринг – Веринг (*Waring*, *Waringa*, *Warenga*, *Wiering*, *Wiering*, *Wierenga*). У саксов это имя зафиксировано с IX в. (830, 860, 900 гг.) Встречается оно там и позднее, причем чаще всего в округе Корвейского монастыря. Примерно в то же время у них получает распространение имя *Werin* или *Warin*, а также *Werinza*... Большое количество аналогичных имен известно у фризов, позднее в Нидерландах, встречается оно и в

Англии. (Кузьмин А.Г. Начало Руси. С. 226. Приводил ссылки на: W.Schlaug Die altsachsische Personennamen vor dem Jahre 1000 / Lunder germanische Forschungen, 34. Lund, 1962. S. 173; Winkler Johan. Friesche Naamlijst. Amsterdam, 1971. S. 408, 426, 438, 100.)

На рунном камне «Рёкстенен» есть еще два имени, привлечших мое особое внимание. Первое из них *Rugulfr* – совершенно определенно своим первым компонентом связано с этнонимом ругов. О миграциях ругов на Британские острова и о следах, оставленных этими миграциями, детальнейшим образом рассказывал Шор в своей монографии о народах, участвовавших в этногенезе англичан. Отрывок из его монографии, где перечисляются топонимы, связанные с именем ругов в Англии, я приводила в моем ответе читателю Игорю Кравченко. Но этноним влияет и на образование антропонимов. Топоним Рувангоринга (*Ruwangoringa*) в Хэмпшире получил такие соответствия в английской антропонимике как Руван (*Ruwan*) или Рован (*Rowan*), а также – Руген (*Rugen*). Попутно напомним, что Байер называл такие варианты имени Рюрик как Ругерик и Рогерик.

В принципе, имя собственное, образованное от этнонима *руги*, могло прийти в шведский именослов как с южнобалтийского побережья, так и с Британских островов, поскольку второй компонент *-ulfr -olfr* был широко распространен во всех скандинавских именословах, но еще раньше был зафиксирован и в англосаксонской традиции, например, в названии эпоса «Беовульф». Однако с этим же вторым компонентом есть и другие имена, образованные от этнонимов, например, *Gautulfr* от *gautar*, мн.ч. *götär*, т.е. от одного из этнонимов в Швеции или *Söxulfr/Saxulfr*, где первая часть – этноним сакс (Janzen A. De fornvästnordiska personnamnen. S. 111 – 112).

Поэтому с большей долей вероятности, имя *Ругульф* с рунного камня «Рёкстенен», установленного в центре шведской Гёталанд, имело распространение на южнобалтийском побережье и было гибридным по своему составу: первый компонент – от этнонима *руги*, второй – от германоязычного компонента *-ulfr -olfr(wolf)* со значением древнеевропейского тотема волка. Это предположение тем более оправданно, что *Ругульф* упоминается как отец конунгов, «сидевших» на Зеландии. Гибридность сложносоставных имен в средневековье было распространенным явлением: были кельто-германские гибриды и т.д. (см. об этом, например, Ганина Н.А. Готские имена: проблемы интерпретации // Именослов. История языка. История культуры. СПб., 2010. С.46 – 63). Правда, когда дело касается славяно-германских гибридов, особенно, при рассмотрении скандинавских именословов, то тут скандинавистика сейчас же теряет ориентировки и начинает сообщать странные вещи, примеры чего были приведены.

Вторым именем с рунного камня «Рёкстенен», о котором интересно порассуждать, это имя *Радульф* (*Rapulfr*), упоминаемое в схожем контексте: как отец сыновей – конунгов, «сидевших» на Зеландии (Lindquist Ivar. De urnordiska personnamnen // Nordisk kultur. Personnamn. s. 9-10).

О первом компоненте в этом имени Янцён даёт следующие сведения. *Rád-* = древнесканд. *rād* (совр.*råd*), ср.п. «совет, решение, ум, помощь, выступать советником». По наблюдениям Янцёна, именной элемент *Rád-* и многие имена, содержащие его, расходились по другим скандинавским странам из Швеции, но большого распространения не получили. Янцён отметил, что этот компонент был зафиксирован только в нескольких норвежских, довольно редких именах, таких как мужские имена *Rádgeirr*, *-ormr*, *-vardr*, помимо них было заимствованное из Швеции

имя *Rámundr*. Но в Норвегии и Исландии эти имена встретились пару раз, и быстро исчезли из именословов.

На европейском же континенте, подчеркивал Янцэн, соответствия к имени *Ráðulfr* имели большое распространение, что давало повод некоторым шведским исследователям ономастики начала прошлого века видеть в них также шведские заимствования. Но такие крупные шведские языковеды конца XIX – начала XX вв. как Отто фон Фриезен и Отто фон Фейлитцен показали, что эти имена, наоборот, пришли в Швецию с континента и полагали, что именной компонент *rad-* можно рассматривать как общегерманский (Janzén A. Op. cit. S. 87).

Интересного в данном именном компоненте то, что он является намного более древним, чем весь германский мир, поскольку его корень восходит к древнейшему индоевропейскому корню *rt-*, образовавшему одно из ключевых понятий, известных из ведийской модели мира, *rta/rita* – основной закон мироздания. Этот изначальный термин, трансформируясь и переосмысливаясь в процессе разделения на новые этнические ветви того, что до сих пор принято именовать древней индоевропейской общностью, а сейчас можно уточнить, – рода R1a, стал лоном для целого рода понятийных систем в различных индоевропейских языках и породил за тысячелетия целый спектр важнейших понятий. Достаточно привести всего лишь несколько примеров, чтобы увидеть непреходящую мировоззренческую ценность основы *rt-* для народов индоевропейской семьи. В древнеиндийской философии *ṛita* означает вселенский закон. В древнеиранской философии всемирный закон определен понятием *artha*, который на языковом уровне сопоставим с термином ”рату”, ставшим одним из основополагающих зороастрийских терминов в значении ”глава” или ”судья”. Древнеиндийская *ṛita* и древнеиранская *artha* сочетаются с понятием *rota* из древнерусской литературы, а также созвучны наименованию одного из городов/племен Руси в описаниях мусульманских географов – Артой/Арсой или Артанией, кроме того эта же основа – в древнерусском обозначении для власти как *наряд* или – для носителя власти как *нарядник*. (Более подробно о роте/рите/арте и см.: Серяков М.Л. «Голубиная книга. Священное сказание русского народа». М., 2001).

Распространение идеи вселенского закона в европейской культуре вызвало появление таких понятий с родственным корнем как древнегреческая *ретра* (Ликургова ретра) – устное соглашение, договор, закон – и древнеримский *ritуал*. Основополагающая важность этой идеи выразилась и в том, что ее лексическое выражение стало лоном для рождения множества теонимов, антропонимов, носителями которых очень часто бывали царственные особы, топонимов, обозначавших важные населенные пункты – культовые центры, места пребывания правителей. Так, на Востоке мы знаем персидских царей Артаксесов, шахов Ирана Арташиров из династии Сасанидов, парфянских царей Артабанов, правителей Армении с именем Арташес (гр. Артаксий) и одну из их столиц Арташат (Артаксаты). На южнобалтийском побережье это, прежде всего теоним Радигост в культовом центре Ретре, а также многочисленные Радегасты как главы вандало-вендских правящих родов: король вандалов в Италии Радегаст I (погиб в 405 г.), основатель династии королей вендов и ободритов Радегаст II, Радегаст – князь вендов и ободритов на острове Рюген (см. Меркулов В.И. Откуда родом варяжские гости? М., 2005). Другими вариантами антропонимов с основой *Rad-* могут служить такие имена, как имя Ратибор в княжеских династиях ободритов и поморян с соответствующими городами (или замками) – резиденциями как, например, Ратибор

(Ратцебург) в земле Шлезвиг – Гольштейн, как имя представителя поморской знати Радослав, как имя королей фризов Радбода I (погиб в 719 г.) и Радбода II (втор.пол.VIII), как имя правителя Паннонской Хорватии Ратимира (перв. пол. IX в.). Древняя лексема *rt-/rta-* отразилась в имени Ротари (606 – 652), короля лангобардов, самоназванием которых было *винулы*.

В древнерусских именовсловах известны Ратмир/Ратша – дружинник Александра Невского, Ратиборы как тысяцкие и воеводы в русских городах, хазарский хан Ратмир из «Руслана и Людмилы», имя которого – поэтическое свидетельство того, что хазарские именовслова пополнялись индоевропейскими именами таким же образом, как это было с именовсловами гуннских правителей. Таким примеров – великое множество, в них можно утонуть.

Немалое их количество зафиксировано и в зоне кельто-германских контактов, которую Л. Рюбекайль определяет как зону смешанной культуры, где донорами выступали представители кельтской общности (Rübekeil L. *Diachrone Studien zur Kontaktzone zwischen Kelten und Germanen*. Wien, 2002). В галло-германском антропонимике периода IV – XII вв. имеются различные варианты личных имен с основой *Rad-*, в частности такие, как *Ratbolda, Radboldus, Ratbald, Rabold, Radobertus, Ratgoz, Ratgozzus, Raagoz, Radefridus, Ratmar, Ratmarus, Radmund, Radoaldus* и др. Все эти однокоренные имена сохраняют общую древнюю семантику «совет, договор», восходящий к идее глобального закона упорядочивания мира от Вселенной до общины и семьи.

Что в этих примерах важно в контексте данной статьи? Примеры с антропонимами, где в основе *Rad-* демонстрируют, что отдельные элементы европейского антропонимикона восходят к древнейшим слоям индоевропейской культуры, т.е. повторю еще раз, к тому периоду, когда согласно ДНК-генеалогии, носители Z280 (древние русы) и L342.2 (арии), принадлежавшие к общему роду R1a, примерно 4600-4900 лет тому назад перешли с Балкан на Русскую равнину. Вышеупомянутая ключевая терминология для выражения вселенского закона *rita/арта/рота*, послужившая источником для множества антропонимов с основой *rad/rat/rot*, была создана в Восточной Европе, откуда, соответственно, эти антропонимы и стали распространяться на Запад.

Этот вывод имеет значение и для понимания того, как распространялись по Европе имена с сакральным корнем *Rag-/Pog-*: они шли из тех же мировоззренческих источников, которые в Восточной Европе четыре с лишним тысячи лет тому назад стали создаваться носителями субкладов R1a – L342.2 (ариями) и R1a – Z280 (древними русами).

И это подтверждается выводами одного из крупнейших шведских исследователей в области этимологии Элофа Хелльквиста (1864 – 1933), создателя шведского этимологического словаря (переиздававшегося семь раз и до сих пор актуального). Хелльквист относил древнегерманское и древнескандинавское *ragin-/regin-* «высшие силы, боги» (*gen.ragna*), а также «решение, совет» к санскритскому *racāyati* – организовывать, создавать.

**रच् rac (U. pr. racáyati/racáyate — X;
fut. racayisyáti/racayisyáte; p/ph. racayāñ-
cakāra/cakré; aor. áraracat/áraracata; pp.
racitá) 1) созидать, творить, создавать
2) устрáивать 3) писáть, сочиня́ть 4) уби-
ра́ть, украша́ть
रचन racana n. 1) созидáние, творéние,
создáние 2) устрáивание**

Значение «высшие силы, боги» закреплялось, предположительно, только за мифологическим образом «Ragnarök» – «Погибель/рок богов, высших сил», а семантика более широкого гот. *ragin* и древневерхненем. *regin-* исходила, по убеждению Хелльквиста, от санскритского «создание, творение, устройство дел» (Hellquist Elof. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1920 – 1922), т.е. от тех значений, которые принадлежат власти в универсальном значении: и как функции/принятию решения, и как наделенного властью коллектива – совета по принятию решений.

Следовательно, путь распространения антропонимов с корнем *Ragn-/Rogn-* был аналогичен пути распространения антропонимов с корнем *Rád-*, т.е. путь этот шел из Восточной Европы на Запад и затем расходился по разным западноевропейским областям. Для этого я и остановилась достаточно подробно на именах с корнем *rad-/rom-*, поскольку породившее их понятие рита/арта/рота изучено достаточно хорошо, чего не скажешь о древнерусском *Роге*.

Процессы миграций, ход которых сопровождался распространением и древних индоевропейских мировоззренческих понятий, и антропонимов, хорошо иллюстрируется данными ДНК-генеалогии.

Согласно любезным разъяснениям А.А. Клёсова, картина миграций может быть уточнена следующим образом. 2300 лет назад стал разрастаться субклад I2a-M423, расходясь со стороны Карпат-Дуная по всей Восточной Европе, от Греции до Балтики. Это был так называемый «динарский субклад», почти исключительно славяне. За две тысячи лет они превзошли по численности более древний род R1a на Балканах, и сейчас доходят до 40-45%, в то время как R1a там осталось 20-30%. Венды – Wenden, ушедшие с Дуная – это (как вариант) лужичане с гаплогруппой поголовно R1a, которые разошлись с сербами или другими балканцами примерно 1000-1500 лет назад. А ДНК-генеалогия показала, что лужичане – это западные славяне гаплогруппы R1a-M458, отдельная, западная ветвь гаплогруппы R1a. А вот балканцы (сербы, хорваты, словенцы) – Z280, как и большинство русских.

Можно наложить данные ДНК-генеалогии на некоторые вышеупомянутые исторические события. В IV в. вандалы, которых до сих пор не знают как «сочетать» с вендами, начинают уходить из Подунавья. Мифический король вандалов Антур I привел свой народ на Южную Балтию, «вступив в брак» с богиней полабов Сивой. Связанное с королевским родом вандалов имя Радегастов переходит как династийное имя ко вновь образованной династии королей вендов и ободритов, к князьям Рюгена и другим южнобалтийским династиям. Вот вам один из путей распространения важных антропонимов – миграции народов.

Но были и другие пути. Культурным центром богини Сивы был вышеупомянутый Ратибор (Ратцебург). Населенный пункт с таким же названием есть до сих пор в Вологодской области. Напомню, что Вологодская область связана в преданиях с исполинами – волотами, которые выступали в форме этнонима и как имя первопродка: «ВОЛОТЫ, некоторые летописцы объявляют, что в древние времена около Вологды и Кубенского озера... прежде просвещения крещением обитали народы, сим именем называвшиеся по тому, что почитали за богов Волотов, великанов... коим и жертвы приносили» Географический словарь Российского государства. Ч. 1. М., 1801. С. 1023). Волот имеет вариант велет. А.Н. Веселовский связывал волотов-велетов с западнославянскими велетами и с обширной славянской страной вильтинов, правитель которой был Вильтин (сага о Тидреке Бернском).

Имя Вильтин как эпоним велетов имеет генетическое родство с велетнями/волотами (великанами, исполинами) в древнерусском языке и с названием западнославянского племени *велетов*, упоминание о которых находим уже у Птолемея: «И снова побережье Океана вдоль Вендского залива последовательно занимают вельты, выше их осии...» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994. С. 51). В VIII в. велеты были известны как крупная этнополитическая общность (с X в. стали называться лютичи), занимавшая большую территорию между ободритскими землями и Польским Поморьем и дольше других политий на южнобалтийском побережье, вплоть до второй половины XI в., сохранявшая свою политическую независимость и сопротивлявшаяся христианизации (Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. С. 54-56).

Венды или западные славяне – носители R1a-M458 – есть отдельная, западная ветвь гаплогруппы R1a, начинающаяся, в основном, с Белоруссии и Украины, достигающая максимума в Польше и уходящая западнее, до центральной Европы. Шор называет вендов среди наиболее ранних мигрантов, появившихся на Британских островах еще в римское время. Но вендами немецкие источники называли велетов/вильтинов, которые в 560 – 600 гг. поселились во Фризии и возвели там крепость, названную по их имени Вильтабург (Wiltaburg), а местность вокруг крепости – Вильтения (Wiltenia). На галльском языке город назывался Утрехт. (Hampson R.T. An Essay on the Geography of king Alfred the Great / J. Bosworth (ed.) King Alfred's Anglo – Saxon version of the compendious History of the world by Orosius. L., 1859. P. 41). Расселение вильтинов/велетов во Фризии вновь вызывает в памяти имя фризских королей Радбодов, созвучных княжеским именам вендо-ободритских князей Ратиборов и названию культового центра Ратибора, тождественного названию Ратибор Вологодской области, местоположение которого – неподалеку от Кубенского озера.

У Янцэна брошено ценнейшее замечание относительно имен с корнем *Rád-*: «Особенно эти имена были любимы норманнами». Но из его же исследований видно, что эти имена явно не были любимы на Скандинавском полуострове: в Норвегии и Исландии – единичные случаи, не укоренившиеся. Рунная надпись в Швеции связывает его с Зеландией, т.е. практически, с Южной Балтией. Это замечание Янцэна опять возвращает нас к вопросу о том, кто же составлял ядро норманнских походов и откуда явились норманны, которые строили города в Ирландии?

Несколькими выводами Янцэна мне хотелось бы закончить вторую статью об именах Рогволода и Рогнеды. Будет и третья статья на эту тему, где я конкретно покажу, как норманисты препарируют эти летописные имена и как это обирает русскую историю.

Анализируя скандинавские имена, Янцён подчеркивал, что многие личные имена очень трудны для понимания и толкования. Антропонимическая часть лексики со временем оказывалась подверженной сильному «износу», именные компоненты, составившие имя, могли настолько сократиться и упроститься, что это изменяло и внешний вид имени. Другая сложность, с которой сталкивается толкователь имен, продолжал Янцён, зависит оттого, что старейшие имена уходят своими корнями в древнейшие представления и мировоззренческие ценности. Личные имена отражают изменения в истории культуры народа, мир его представлений и т.д. Многое дискутабельно и ненадежно. И в толковании имен, которые отражают старинные отношения, можно легко допустить ошибку.

Особый и очень сложный раздел, согласно Янцёну, составляют **заимствованные имена**. Многие из них имеют ясное происхождение, но это касается имен, заимствованных в исторически недавнее время. Более старинные имена, заимствованные в доисторические времена, очень сложно толковать. Многие имена, пришедшие в Скандинавию в период Великого переселения народов, как правило, преобразовывались в соответствии с фонетическими особенностями скандинавских языков и приобретали облик местного скандинавского имени. При определении того, скандинавское это имя или заимствованное, было допущено много ошибок. Если какое-либо имя было найдено на древнескандинавском рунном камне, то совсем необязательно это имя следует относить к скандинавским именам. Оно может быть реликтом более древнего общегерманского антропоникона, подчеркивает Янцен. *Janzén A. Personnamn // Nordisk Kultur VII. Stockholm, Oslo, København, 1947. S.1-3).*

Или реликтом еще более древних именовсловов, как и оказывается с древнерусскими именами с корнем *rog-*, в частности, с такими как Рогволод и Рогнеда.

*Л.П. Грот,
кандидат исторических наук*

Авторская колонка на сайте Переформат.ру:
<http://pereformat.ru/grot/>